

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ТРУДА: ЦИФРОВЫЕ ПРОФЕССИИ И КАПИТАЛИЗМ

Афанасов Николай Борисович (а)

(а) Институт философии РАН, 109240 Российская Федерация, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, E-mail: n.afanasov@gmail.com

Аннотация

Статья предлагает критический подход к актуальной дискуссии об увеличении свободного времени и уменьшении количества труда в цифровой экономике. Общим местом в дискуссии о развитии современного капитализма, характеризуемого автоматизацией и роботизацией рабочих мест, стала гипотеза об уменьшении занятости рабочих. Отталкиваясь от этого предположения, многими социальными теоретиками была поставлена проблема «свободного времени», которого в будущем станет слишком много. Это приведёт к ряду проблем, в числе которых называют безработицу и ненужность человека. Автор ставит под сомнение этот прогноз, обращаясь к рассмотрению актуальных для современной социальной теории феноменов – «цифрового труда» и «цифровых профессий». В статье также предлагается новый взгляд на взаимосвязь постиндустриальной цифровой экономики и мира медиа. Опираясь на марксистский анализ культурной логики позднего капитализма, выдвигается тезис, что нетовизованный медиа-мир, культурно опосредующий капитализм, снимает противоречие между производством и потреблением. Культурное производство принципиально не подлежит полной автоматизации, поскольку в саму его структуру включено потребление. Как итог, свободное время незаметно для самого человека также становится производительным трудом.

Ключевые слова

Теория медиа, цифровой капитализм, цифровые профессии, цифровой труд, поздний капитализм, марксизм, социальная философия, философия культуры, образы современности, свободное время

Это произведение доступно по [Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/).

Человеческая жизнь бездеятельна и лишена цели, но именно это отсутствие дела и цели делают возможной беспримерную человеческую деятельность. Человек посвящает себя производству и труду, потому что в действительности по своей сущности он лишён дела, потому что он, прежде всего, животное субботы.

© Агамбен Дж. «Грядущее сообщество»

1. ВВЕДЕНИЕ

«Свободное время», как тема исследования и философского рассмотрения, переживает качественное обновление в последние несколько десятилетий (Корсани, 2015, стр. 52-53). Выражаясь точнее, следовало бы сказать, что пара понятий «труд» – «свободное время», часто противопоставляемых друг другу, утрачивает своё значение. «Труд» изменился; «свободное время» изменилось; и, кажется, мы даже перестали понимать, где «свободное время», а где «труд» (Маяцкий, 2015b). Конечно, это не значит, что социальная философия, социология, теория медиа, экономическая наука и ряд других анализирующих феномены труда и свободного времени дисциплин полностью утратили понимание происходящего. Распалась общая интерпретационная рамка, потому что сложность современности поставила перед наиболее авторитетными теориями прошлого ряд трудноразрешимых задач.

Детальный обзор подходов к интерпретации труда и досуга в истории мысли, с одной стороны, предоставит нам колоссальное многообразие безусловно интересных идей и любопытных эмпирических свидетельств, разбираясь в которых легко забыть о сути вопроса, а, с другой стороны, продемонстрирует, что наше актуальное понимание чаще всего не сильно отличается от идей философов прошлого. В самом деле, мало какому современному человеку придёт в голову мысль, что жизнь существует для того, чтобы целиком потратить её на труд, что смысл жизни заключается в непрестанной работе (Сидорина, 2018, стр. 156).

Хотя подобная интерпретация присуща ряду мировоззрений и теорий¹, современный мир поставил путешествия, спорт, изучение

¹ Наиболее важным здесь представляется упоминание христианской традиции, комплексное понимание труда в которой далеко от однозначно негативных определений. От монотонного монашеского труда (Hofmeester, Moll-Murata, 2011) до возникновения проблемы праздности праведников, попавших в рай (Агамбен, 2019, стр. 142), труду приписывается благородная

иностранных языков и многое другое, что можно было бы обобщить словом «хобби», в качестве важнейшего способа для отвлечения «самого себя от пустой бессмысленности существования» (Джеймисон, 2019, стр. 327). Труд не является смыслоопределяющим понятием, если спросить человека, о цели его жизни: «Общим местом критики политической экономии новейшего капитализма является демонстрация того, что сегодня в роли фетиша фигурируют как раз образы свободного времени, досуга» (Погребняк, 2019, стр. 160).

Цель этой работы состоит в том, чтобы проанализировать, как превращение «позднего капитализма» в «цифровой капитализм» трансформирует понятия занятости и свободного времени. В ходе нашего изложения мы увидим, что экономическая эффективность и рациональность цифровизации, опосредованные медиа, приближаются к завершению размывания границ между досугом и трудом, которые были сформированы в ходе промышленной революции (Allen, 2017, р. 16-17). Однако окончательного превращения времени человека в «свободное», о чём мечтали утописты прошлого, не происходит. Культурная логика современного капитализма предполагает незаметное для самого человека участие в производстве.

Мысль в своём становлении подчас хаотична, поэтому говоря о настоящем, каждый раз приходится обращаться к прояснению понятий, что в рамках рассматриваемой нами проблемы представляется особенно сложной задачей. Даже в процессе чтения нескольких предшествующих абзацев этого текста внимательный читатель мог прийти к мысли, что стоит упрекнуть автора в терминологической небрежности: «свободное время» и «досуг» были использованы как синонимы, хотя они не всегда являются таковыми. «Давайте для начала, может быть, разведём внутри свободного времени праздность и досуг, которые часто путают, а различать их мне кажется важным. Праздность – это недеятельность, не апроприированная другими. Досуг же – это уже занятая незанятость, освоенная, скажем коротко, “индустриями досуга”» (Вахштайн, Маяцкий, 2019, стр. 2). Мы согласны с этим рабочим различием, более того, его достоверность и смысловой потенциал представляются достаточными для избегания путаницы при дальнейшем анализе

необходимость, а в ряде случаев и характер божественного служения (Коваль, 2012). О важности труда в протестантизме сказано достаточно (Вебер, 2002). Однако это не меняет объекта нашего исследования – свободного времени в цифровую эпоху. Наша задача состоит в том, чтобы представить анализ секуляризованной вестернизированной современности, где религиозность чаще всего остаётся только в исторической памяти, но не оказывает решающего влияния на функционирование общества в контексте его досуговых и трудовых практик.

феноменов «свободного времени» и «труда» в контексте цифровизации капитализма.

2. MEDIA, ИЛИ КАК ВСЁ ИЗМЕНИЛОСЬ

Актуальный разговор о свободном времени и труде, если он действительно стремится быть современным, необходимо растворяется в теме медиа, становится её частью. Попробуем объяснить, почему это так. «Труд» определяет границы свободного времени. Он также определяет вариативную материальную и нематериальные части того, чем может быть наполнено свободное время. И поздний капитализм предлагает нам целый набор специфических вариантов досуга, большинство из которых, если и не связано с медиа, то опосредовано им и его способами производства/воспроизводства (Джеймисон, 2019, стр. 142). Предпринятая Марксом аналитика места человека в производстве и потреблении, если и не теряет всей своей силы, то нуждается в обновлении, потому что капитализм изменился: «Новая классовая формация более не подчиняется законам классического производства и вездесущей классовой борьбы. Поэтому марксистская традиция решительно им сопротивлялась, за показательным исключением экономиста Эрнеста Манделя, который в своей книге “Поздний капитализм” ставит задачу не только проанализировать историческую специфику этого нового общества (рассматриваемого у него в качестве третьей стадии или момента в эволюции капитала), но также и доказать, что оно является, если уж на то пошло, более чистой стадией капитализма» (Джеймисон, 2019, стр. 87).

Книга Манделя, повторим, экономиста марксистского толка, ставила своей целью показать, что в мире послевоенного экономического бума и непрекращающегося роста определённые Марксом закономерности движения капитала и развития капитализма продолжают соответствовать действительности, но для понимания этого соответствия в изменившейся реальности, требовалось обновить эмпирический материал (Mandel, 1998, p. 11). Поздний капитализм продолжает оставаться капитализмом. Одним из краеугольных камней обновления эмпирической базы стала фиксация появившихся новых способов производства, возникших в рамках развития и завершения технической рациональности капитализма. Компьютеризованная техника не только усложнила процесс подсчёта участия человека в создании благ, но и вообще вывела производство из-под планового контроля государств, поскольку возможности, которые она

предоставляет собственнику капитала, слишком велики (Mandel, 1998, p. 526). У технически совершенного и мало ограниченного сверхпроизводства практически не осталось пределов. За исключением одного – способности потреблять, которую в логике удешевления производства и удорожания потребления, также нужно как-то интенсифицировать. Не следует приписывать разумность неразумному, но эффективность рациональности капитализма сложно поставить под сомнение. И логично, что для увеличения способностей потребления нужно предпринять несколько мер, в числе которых будет физическое расширение свободного времени и интенсификация потребления продуктов с наибольшей прибавочной стоимостью в это свободное время. А также включение потребителя в процесс производства, что могло бы звучать фантастично, но уже стало реальностью (Павлов, 2018b, стр. 201). Культура, уже исходя из прагматических соображений, как нельзя лучше подходит на роль нового товара.

Первое, что отличает культуру как товар от традиционных типов товаров — это феноменальная лёгкость воспроизведения, при ограниченной сложности производства. Рассмотрим это на примере экономики фильма как наиболее важного культурного продукта, характеризующего поздний капитализм (Джеймисон, 2019, стр.198). Главным препятствием и наиболее затратной частью в дистрибуции является возможность обеспечить прокат в ограниченные сроки в как можно большем количестве кинотеатров и стран, то есть инфраструктура и транзакционные издержки на проход фильма по линиям этой инфраструктуры (Sedgwick, Pokorny, 1999, p. 319). Но нельзя игнорировать и главный риск, сопутствующий индустрии. Это риск коммерческого провала, который состоит в том, что аудитория по разным причинам не придёт в кинотеатр, не купит DVD-диски, не скачает фильм из сети, сколь бы просто это ни было с технической точки зрения. Задача культурного маркетинга сформировать ожидания и привести зрителей на показы: это включает в себя не только затраты на рекламу, но создание позитивных обзоров, атмосферы ожидания и проч. Реклама, как мы понимаем, также осуществляется через медиа. И пусть медиа-влияние не способно изменить оценку фильма, оно способно помочь ему собрать кассу (Suárez-Vázquez, 2011, p. 131-132), что гораздо важнее.

Указывая на сравнительно небольшую в сравнении с традиционным промышленным сектором долю цифровых компаний в экономике, необходимо заметить, что «цифровая экономика включает компании, которые в своих бизнес-моделях всё в большей степени

опираются на информационные технологии, работу с данными и интернет» (Срничек, 2019, стр. 10). Дело в диффузии – промышленный сектор без внедрения цифровых технологий становится неконкурентоспособным. Обращаясь к тому же примеру кинематографической продукции, частной и более понятной формой которой в контексте цифровой экономики будет ролик на одной из стриминговых платформ, таких как YouTube, рассмотрим каким образом диджитализация увеличивает эффективность культурного измерения капитализма.

В первую очередь, система дистрибуции, то есть инфраструктура для коммерческого распространения уже изначально дана. В сущности, она объединена рамками всемирной сети Интернет, именно внутри которого существуют частные, закрытые проекты¹. Но их закрытость не делает их независимыми от оффлайновой части инфраструктуры, которая стандартизирована повсеместно. Оптоволоконная сеть, охватывающая планету радикально меняет стоимость транзакционных издержек, затрачиваемых на передачу информации (Winseck, 2017, p. 237). Для ролика, который мы берём в качестве примера, это значит, что он может быть просмотрен в любой точке планеты, в любое время и любое количество раз. То есть во временной перспективе возможность его воспроизводства не ограничена ничем, кроме спроса. Скорость воспроизводства также не играет роли и буквально сводится ко времени, затрачиваемому пользователем на поиск, выбор продукта и нажатие пальцем «play». Хотя и тут мы наблюдаем, что на уменьшение и так незначительного времени доступа к контенту тратятся значительные усилия разработчиков.

Цифровой капитализм вкладывает новый смысл в ставшую фактически мантрой (Гилёва, 2011) мысль Маршала Маклюэна, о том, что средство коммуникации и есть сообщение. Не только технически, но и как неотъемлемая форма культуры, медиа подтверждают тезис о том, что современный капитализм неотделим от культуры. Говоря о

¹ Нами дано описание нормативного функционирования сети, однако современное её развитие ставит перед его воплощением ряд проблем, имеющих политическую природу. Речь идёт о попытках создания изолированных сетей в ряде стран, к примеру в Китае, Иране, России, что позволяет говорить не о сети, но о множестве сетей (Winseck, 2017, p. 262): «В недавних исследованиях была показана гетерогенная природа интернета и прозвучало предложение всерьёз использовать термин “интернеты” (мем, некогда порождённый оговоркой президента Буша-мл.)» (Арора, 2019, стр. 101). Эти важные наблюдения, однако не опровергают, высказанного нами тезиса о роли сетевизации в цифровой экономике. Скорее можно интерпретировать факт фрагментации сети, как подтверждающий нашу мысль: интернет настолько эффективен, что ему даже не нужно быть глобальным, чтобы продолжать функционировать и удовлетворять потребителей.

тотальности цифрового капитализма, мы можем вспомнить концепцию диджимодернизма британского культуролога Алана Кирби, который хорошо резюмировал возможность освобождения и автономного существования в цифровом мире: «Так или иначе, мы всё более и более становимся зависимы от цифры, и потому, замечает автор, вы можете не принимать диджимодернизм, но в итоге он сам придёт к вам» (Павлов, 2018b, стр. 206).

Это наблюдение применимо и к рассматриваемому нами вопросу о влиянии медиа на свободное время и труд, в которые также вторгается цифровизация. Уже в обществе раннего капитализма стояла проблема автономии, возможности быть не включённым в отчуждение труда и человечности, которая вылилась в создание регламентированного свободного времени, а затем и в проблематизацию его наполнения досуговыми практиками, предоставляемыми «индустриями досуга». Но современный цифровой капитализм и диджитализация ставят эту проблему куда более радикально. Перераспределяя свою эффективность в области медиа и культуры, они вторгаются во все сферы человеческой жизни, меняя труд, свободное время, жизнь человека так, что это, во-первых, становится незаметным для него самого, а, во-вторых, помыслить конец этого означает помыслить конец самого себя, потому что современность буквально создана медиа-культурой.

3. ЦИФРОВОЙ ТРУД

После того, как мы определили, какое значение приобретают медиа как часть цифровизации в структуре современного производства, имеет смысл взглянуть на то, как именно они меняют формы труда, а затем обратиться к примерам новых сфер занятости, созданных цифровой эпохой. Увидев, как трансформируется труд, мы приблизимся и к актуальной проблематике свободного времени, в корне отличной от детерминант промышленной революции. В дискуссии о будущем свободного времени часто фигурирует утверждение, будто его количество несравнимо вырастет из-за роботизации: «Будущее наступает в виде праздности, досуга, лени. Раньше праздность считалась либо греховным занятием или привилегией высшего класса, но по мере того, как роботы всё больше и больше замещают нас, у нас появляется всё больше свободного времени» (Анашвили, Вахштайн, Медведев, 2019). Однако есть причины поставить этот прогноз под сомнение (Гройс, 2018, стр. 30-31).

Как было сказано выше, качественно современной экономику делает диджитализация, затрагивающая и традиционные производства. Однако этим не исчерпывается влияние новых технологий на процесс работы, если рассматривать его исходя из перспективы темпоральности: «Во время рабочего дня закачивается и слушается музыка и даже смотрятся фильмы и главным образом происходит постоянная коммуникация через растущее число каналов: интерконнективность стала новым “otium” для народа» (Маяцкий, 2015а, стр. 50). Досуг и труд проникают друг в друга, образуя «пористые» структуры трудовой деятельности, не оставляющие места свободному времени. Общее количество времени, затрачиваемого на производство человеком, сокращается, но время, проведённое на работе, остаётся либо тем же, либо даже увеличивается.

Такая точка зрения может удивить, поколебав веру в утопию праздности, но это так. Культ работы и занятости парадоксально сосуществует с превознесением и обязательным характером досуга. Первым любопытным феноменом «эпохи дискуссий о праздности» является трудоголизм: «Постиндустриальная перспектива предлагает спектр новых профессий. Однако, как оказалось, на смену тяготам индустриального труда приходят перегрузки другого рода. Труд перестаёт быть тяжёлым, но остаётся достаточно напряжённым, ведёт к переутомлению в условиях сверхурочной работы» (Сидорина, Ищенко, 2015, стр. 138). Нам интересно не столько то, что люди остаются в офисе сверх положенного времени, а то, что они могут продолжать и продолжают работу вне офиса, по пути на службу, в любое время дня и ночи, при любых обстоятельствах. Пористость характеризует не только 40-часовую рабочую неделю, но и остающиеся 128 часов свободного времени. И даже если ни в один из этих 128 часов не прозвонит звонок мобильного телефона, не появится push-up уведомление на экране, определённая психологическая работа и напряжение всё равно будут иметь место, что относится к феномену «режима постоянного доступа» (Маяцкий, 2015b, стр. 65).

В каждый момент времени, что знакомо многим из нас, можно ожидать письма, или даже звонка от начальника, срочного поручения. Психологический комфорт свободы и неподключённости к сетевой структуре остался во временах до изобретения мобильных телефонов (Bittman, Brown, Wajcman, 2009). Помимо этого, возрастает и эффективность, а лучше сказать: интенсивность того, как мы выполняем нашу работу. Технологии, медиа и инфраструктура интернета упростили ряд операций настолько, что теперь мы делаем их сами, хотя ранее для этого требовались отдельные люди,

профессионалы. На самом деле технологии уже давно уничтожили целый ряд профессий, переложив выполнявшуюся ранее людьми работу на компьютеры и пользователей. Хорошими примерами в этом контексте служат ежедневники; приложения, планирующие время, бюджет, покупки и др.; система автокоррекции в Microsoft Word; службы заказа такси; и даже феномен электронной почты, облегчившей корреспонденцию настолько, что каждый профессор завален горой писем, на которые ещё 100 лет назад отвечал бы секретарь. Замечательное резюме всем этим новациям дал философ Борис Гройс: «Вот я, например, автор, я пишу. Я задаю себе вопрос: могу ли я писать с такой же скоростью, с какой писал Дюма? Или Толстой? Нет. Почему? Потому что я должен пользоваться компьютером, фактически должен делать всю работу типографии. Потому что всё время должен сам заказывать билеты. У нас в Нью-Йорке, например, закрылись все туристические агентства. Невозможно никому позвонить и заказать билет – ты должен всё делать сам. “Сделай сам” – вот основной принцип современной жизни» (2018, стр. 30). Радикальность и некоторая провокативность формулировок в данном случае оправдана, чтобы поколебать ощущение эйфории от конца труда в цифровую эру.

«Цифровой труд» постепенно становится одним из терминов современной социальной теории¹. Понятие только получает своё наполнение, но тем не менее мы можем выделить ряд черт, которые оно в себе содержит. Наиболее важные из них – это сам труд, его технологическое опосредование и возникающая конфликтогенность между сетевым капиталом и "киберпролетариатом"» (Cardon, Casilli, 2015, p. 8). Цифровой труд представляет собой продукт сплавки сил капитала, рассредоточенного на платформах в сети и включения в производство создателей контента, которые своим потреблением также производят продукт (Huws, 2014, p. 44). При этом производимые товары не принадлежат никому, кроме собственников платформы (Павлов, 2018а, стр. 104), что позволяет говорить теоретикам марксистского толка об особой интенсификации отчуждения. В понятие цифрового труда также входит капитализация

¹ На протяжении последних нескольких лет на страницах журнала “*tripleC: Communication, Capitalism & Critique*” (URL: <https://www.triple-c.at/index.php/tripleC>) было опубликовано множество тематических статей, посвящённых определению того, что из себя представляет «цифровой труд», а также его критике с марксистских позиций. Впоследствии ряд публикаций послужил основой для книги «*Marx in the Age of Digital Capitalism*» под редакцией социальных теоретиков Кристиана Фукса и Винсента Моско, в которой также широко затрагивается обсуждаемая нами тема (Fuchs, Mosco, 2015).

платформами, такими как Facebook, социальных связей пользователей (Cardon, Casilli, 2015, p. 12-13).

Для вынесения суждения о наличии отчуждения и его степени для начала предложим формальное разделение форм цифрового труда. Такой труд может принимать как явные, так и скрытые формы. К явным вариациям цифрового труда относится ряд новых профессий, на которые возлагаются надежды тех, кто беспокоится, что традиционные рабочие места будут заняты роботами, а работа по найму уйдёт в прошлое: «Между тем ситуация найма, зарплатные отношения всё меньше соответствуют реальностям производства и потребления, всей организации социума» (Маяцкий, 2015b, стр. 74). При этом мы выносим за скобки вопрос о том, насколько независимой является сфера цифрового труда от традиционного, который создаёт средства производства – чаще всего в странах Юго-Восточной Азии и Китае – для будущих авторов контента (Fuchs, 2015, p. 46). Это важно, но находится вне внутренней сферы содержания цифровой производственной деятельности.

В рамках цифровой экономики виды занятости, о которых идёт речь, иногда называют «цифровые профессии» (Gandini, 2015, p. 336). К ним относится всё, что связано с фрилансом, производством медиа-продукции в частном порядке, блоггерство, стриминговая деятельность и неисчислимо число других активностей, которые могут приносить прямую или опосредованную прибыль, создавая потребляемый контент, распространяемый через интернет. В данном случае речь идёт о том, что мы относим к сфере явного цифрового труда, когда результатом производства становится нечто, что может быть воспринято потребителем, пусть и на экране гаджета. Хотя уже об авторстве в цифровую эпоху речи не идёт (Павлов, 2018a, стр. 99). Социологическая проблема состоит в том, как количественно измерить время, затрачиваемое на производство, стоимость продукта и многие другие показатели, которые легко отследить для стационарных профессий. Однако мы можем дать некоторую качественную характеристику феномена. Цифровые профессии требуют от человека особого вида контроля над собой, отличного от внешнего контроля институциональных организаций. «Свободное время» становится пространством, в котором приобретённые сетевые связи, полученные знания должны всегда быть подготовлены к мгновенной конвертации в процесс производства (Gandini, 2015, p. 341-343). Человек цифровой профессии сам становится и орудием производства, и результатом производства, и товаром, его связи и

отношения с внешним миром являются частью его ценности на сетевом рынке труда.

4. TO BE VALUED¹

Когда мы упоминали медиа, то чаще всего имели в виду традиционные медиа в качестве трансляторов, средств коммуникации, где взаимосвязь между пользователем и создателем контента не так очевидна, а также присутствует бóльшая определённости в практиках дистрибуции контента. Однако феномен социальных сетей и способы капитализации внутри них ничуть не менее важны для концепта цифрового труда: «Цифровая работа – это специфическая форма информационной работы, которая использует цифровые медиа как инструмент производства, соединённый с человеческим мозгом с целью организовать человеческий опыт в таком виде, что символические репрезентации, социальные отношения, артефакты, социальные системы и сообщества реконституируются в новом качестве» (Fuchs, Sevignani, 2013, p. 257).

Социальные медиа, или «новые медиа» (New Media) по происхождению объединяются своими «компьютерными» корнями. Они развивают и продолжают уже не человека, как те медиа, о которых писал Маршал Маклюэн (Маклюэн, 2018), но сам мир традиционных медиа, расширяющий сферу жизни человека (Robert, 2010, p. 5-6). Это позволяет добраться до тех сфер человеческой деятельности, которые ранее были недоступны, а затем и сформировать когерентную картину виртуальной реальности жизни, попутно создавая новые потребности, удовлетворение которых возможно только в мире, связанном с цифровыми технологиями. Виртуальность претендует на полное удовлетворение индивидуальных информационных и коммуникационных запросов человека. Именно в них наиболее активно происходит трансформация производства, опосредованная сетевизацией и имманентностью связей между акторами. Вне сетевых структур труд буквально перестаёт существовать, потому что его результаты не могут быть представлены, а затем и оплачены потенциальным потребителем. Сетевизация становится наиболее важным критериальным отличием

¹ Среди китайских политзаключённых принято использовать пассивный залог, имеющий оттенок неуважения в языке для обозначения притеснения со стороны властей. Наиболее ярким примером будет ставшая знаменитой фраза «bèi zìshā 被自殺», для передачи смысловой игры к о т о р о й потребуется обращение к английскому переводу – «to be “suicided”». В русском языке смысловое соответствие имеют фразы на подобие «его ушли». См.: <https://chinachannel.org/2018/10/23/passive-aggressive/>.

новых медиа. Свободное время и труд, сепаратность которых уже была поставлена под вопрос в медиа-реальности предшествующей эпохи, окончательно смешиваются, порождая новый феномен цифровой занятости.

Если сфера проникновения традиционных медиа ограничивалась предложением культуры в качестве товара, заменяя тем самым первичный мир природы и лишь незначительно видоизменяла структуру коммуникации и жизни, то сетевизация медиа вторгается и в эти сферы. С точки зрения свободного времени и труда, это порождает новую реальность, в которой имеет смысл говорить об «игровом труде» (“playbor”): «Онлайн активность – это и развлечение, и работа одновременно» (Fuchs, 2013, p. 273). Гуманность работы, избавляющей трудящегося от страданий монотонности через геймификацию, высокий культурный и досуговый статусы креативного труда, легальную возможность отвлечься, на самом деле полностью охватывает свободное время человека. Образ современного профессионала – это образ человека, которому повезло так, что его увлечение стало работой приносящей деньги. Его имиджу соответствует производимое в новых медиа впечатление, будто его труд производится сам собой, силой таланта, без кропотливого и монотонного участия, а новые технологии и программное обеспечение избавляют его от трудностей предшествующих эпох.

Очевидно, что это иллюзия. Так же, как иллюзией является потенциал освобождения времени цифровыми профессиями. Определим это более чётко. Цифровые профессии, заимствуя дизайн «пористости» труда из эпохи, когда новые медиа уже появились, но не получили повсеместного, широкого распространения, включают в себя ощущение свободы в труде, когда сам формат деятельности предполагает возможность отвлечься. Это становится символическим конкурентным преимуществом цифровых профессий на рынке предложения вакансий. В борьбе за умы они побеждают. Но уже сейчас известно, что они скорее напоминают традиционные сферы занятости, предполагающие значительные временные затраты, однако, не предлагая преимуществ статичных рабочих мест, таких, как регламентация досуга и рабочего времени, социальные гарантии, институциональная определённость. Помимо этого, конкуренция в цифровых профессиях между людьми гораздо выше, чем в традиционных, а отсутствие гарантий делает участие в ней особенно рискованным. Необходимо, впрочем, заметить, что, если в цифровых профессиях есть высокая конкуренция между людьми, то в традиционных сферах занятости речь идёт о конкуренции людей с

роботами. Люди, которым больше не удаётся найти стабильную оплачиваемую работу вынуждены находиться в постоянном поиске предложений онлайн-платформ (Colin, Palier, 2015, p. 30).

Рассмотрение перспектив распространения цифровых профессий и цифрового труда обычно принимает характер критики утопического мышления, что можно только приветствовать, поскольку гуманность и качество новых форм труда, а также исчезающие социальные гарантии, действительно должны вызвать беспокойство о будущем. Миру цифрового настоящего и сетевизованного будущего необходима критика. В качестве положительной стороны в грядущей неопределённости есть аргумент от «свободного времени», в которое люди, которые остаются без традиционной работы и растворяются в «пористом» характере труда, смогут реализовывать себя, как о том мечтали утописты.

Большим вопросом, однако, является применение, то есть «трата» «появившегося» свободного времени. В мире позднейшего капитализма, заданном культурой через опосредование медиа, не так много структурных вариантов для свободного применения свободного от труда и досуга времени на что-либо. Сопротивление индустриям досуга, продвигаемым через новые медиа, выглядит как слишком радикальный и философский шаг, на который не способно решиться большинство (Погребняк, 2019), осознающее тупик свободы и одномоментной невключённости в производство. Но что если современный цифровой капитализм нашёл способ превратить «свободное время» в производство незаметно для человека?

В таком случае эффективность цифрового капитализма была бы поистине чудовищна и восхитительна. Часто мы потребляем, не замечая этого. Возможно, цифровой капитализм может заставить нас производить даже тогда, когда мы стремимся любыми средствами освободиться от любой деятельности, отчуждая само наше свободное время *par excellence* не так, как это делают досуговые практики. В мире социальных платформ важна наполняемость сетей, их населённость. Для тружеников цифровых профессий принципиально быть воспринимаемыми, даже если от восприятия не остаётся следов. Уставший человек, расходуя «пористость» своего времени на социальные сети, выставление «лайков», просмотр роликов, просто будучи зарегистрирован там, в сущности, выступает энергетической машиной для их функционирования. Развлекаясь, отдыхая, он без своего ведома производит то, что отчуждается и капитализируется держателями капитала интернет платформ. Участие в сети – это уже производство. А что остаётся, если не участвовать невозможно?

Метафора фильма «Матрица», где люди существуют для того, чтобы обеспечивать машины энергией, оказывается не так далека от реальности (Жижек, 2014).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чаще всего, когда говорят о свободном времени, то обсуждают будущее капитализма, введение базового основного дохода, проблемы занятости, уровня жизни. Статус людей в производительной экономике ставится под вопрос развитием роботизации и автоматизации. Происходит миграция человеческого производства в новые сферы занятости, получившие обозначение «цифровых профессий», где в результате «цифрового труда» производится культура, затем воспроизводящаяся в традиционных и новых медиа. Структура свободного времени становится «пористой», выставляя новые требования к организации самого индивида, но, в сущности, не приводя к значительному уменьшению количества труда: «Рабочее время, хотя за сто лет и значительно сократившееся, доминирует, как никогда; трудом бредит не только настоящее, но и будущее; жизненное время колонизировано трудом в самом производстве самости» (Маяцкий, 2015b, стр. 66).

Амбивалентное, напоминающее «шизофреническое» (Джеймисон, 2019, стр. 126-127), отношение к труду и свободному времени намного сложнее, если обратиться к нему с позиций марксистской критики капитализма. Отчуждение становится повсеместным, и, что даже важнее, незаметным для самого человека. Новые «цифровые профессии», соблазняя «пористостью» труда, включают в производственные отношения ранее автономные сферы жизни. Свободное время, «убийство времени» для цифровой экономики являются частью производственного цикла, обеспечивающего существование сетевых платформ.

Новая культурная реальность, созданная и существующая в медиа: она приятна человеку, она форматирует его жизненный мир так, что сам вопрос о возможностях выхода из сети, вопрос о действительно свободном от чего-либо времени не может быть задан всерьёз. Это ставит важнейшую задачу критики современного цифрового капитализма перед философией, поскольку только в её рамках может быть сформулирована обсуждаемая нами ситуация. Время в цифровом капитализме всегда будет свободным, но дело в том, что его никогда не будет. Человек всегда будет оценён, но не будет ценным в том смысле, в котором нам того хотелось бы.

Список литературы

- Allen, R. (2017). *The Industrial Revolution: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Bittman, M., Brown, J. and Wajcman, J. (2009). The Mobile Phone, Perpetual Contact and Time Pressure. *Work, Employment & Society*, (4), pp. 673-691.
- Cardon, D., Casilli, A. (2015). *Qu'est-ce que le Digital Labor?* Bry-sur-Marne: INA Éditions.
- Colin, N., Palier, B. (2015). The Next Safety Net: Social Policy for a Digital Age. *Foreign Affairs*, (4), pp. 29-33.
- Fuchs, C. (2015). Towards Marxian Internet Studies. In *Marx in the Age of Digital Capitalism*. Leiden-Boston: Brill. pp. 22-67.
- Fuchs, C., Mosco, V. (eds.) (2015). *Marx in the Age of Digital Capitalism*. Leiden-Boston: Brill.
- Fuchs, C., Seignani, S. (2013). What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? *tripleC*, (2), 237-293.
- Gandini, A. (2015). Assessing the Job Quality of "Digital Professions": A Case of Extreme Work. *Studi di Sociologia*, (4), pp. 335-352.
- Hofmeester, K., Moll-Murata, C. (2011). The Joy and Pain of Work: Global Attitudes and Valuations, 1500-1650. *International Review of Social History*, (19), pp. 1-23.
- Huws, U. (2014). *Labor in the Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: Monthly Review Press.
- Mandel, E. (1998). *Late Capitalism*. London: Verso Books.
- Robert, K. (2010). *Understanding New Media: Extending Marshall McLuhan*. New York: Peter Lang Publishing.
- Sedgwick, J., Pokorny, M. (1999). Movie Stars and the Distribution of Finally Successful Films in the Motion Picture Industry. *Journal of Cultural Economics*, (4), pp. 319-323.
- Suárez-Vázquez, A. (2011). Critic Power or Star Power? The Influence of Hallmarks of Quality Motion Pictures: An Experimental Approach. *Journal of Cultural Economics*, (2), pp. 119-135.
- Winseck, D. (2017). The Geopolitical Economy of the Global Internet Infrastructure. *Journal of Information Policy*, (7), pp. 228-267.
- Агамбен, Дж. (2008). *Грядущее сообщество*. Москва: Три квадрата.
- Агамбен, Дж. (2019). Бездеятельность экономики и экономика бездеятельности. Интервью с Джорджо Агамбеном. *Логос*, (1), стр. 133-146.

- Анашвили, В., Вахштайн, В., Медведев, С. (2019). Похвала праздности. *Радио Свобода*. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/29821384.html>
- Арора, П. (2019). Переосмысление досуговых цифровых сетей с помощью глобальных городов: метафорический взгляд. *Логос*, (1), стр. 85-129.
- Вахштайн, В., Маяцкий, М. (2019). Случайный труд – принудительный досуг. Дискуссия. *Логос*, (1), стр. 1-26.
- Вебер, М. (2002). *Протестантская этика и дух капитализма*. Москва: Ист-Вью.
- Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс.
- Гилёва, А. (2011). Медиум и его мессадж. *Fakel*. Retrieved from <http://www.fakel.org/page.php?id=37>
- Гройс, Б. (2018). «Квентин Мейясу – это в чистом виде Сталин». Интервью с Борисом Гройсом. *Логос*, (4), стр. 27-54.
- Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма*. Москва: Изд-во Института Гайдара.
- Жижек, С. (2014). *Киногид извращенца: Кино, философия, идеология*. Екатеринбург: Гонзо.
- Коваль, Т. (1994). Православная этика труда. *Мир России*, (3), стр. 54-96.
- Корсани, А. (2015). Трансформация труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени. *Логос*, (3), стр. 51-71.
- Маклюэн, М. (2018). *Понимание медиа. Внешние расширения человека*. Москва: Кучково поле.
- Маяцкий, М. (2015a). Otium для никого? *Логос*, (3), стр. 46-50.
- Маяцкий, М. (2015b). Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля. *Логос*, (3), стр. 72-87.
- Павлов, А.В. (2018a). Образы современности в XXI веке: автомодернизм. *Философские науки*, (10), стр. 97-113.
- Павлов, А.В. (2018b). Образы современности в XXI веке: джимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби. *Философия. Журнал высшей школы экономики*, (2), стр. 297-212.
- Погребняк, А. (2019). Дефетишизировать свободное время: от акрасии – к профанации. *Логос*, (1), стр. 159-188.
- Сидорина, Т.Ю. (2018). *Жизнь без труда или труд во спасение?* Санкт-Петербург: Алетейя.
- Сидорина, Т.Ю., Ищенко, Н.И. (2015). Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека. *Terra Ecomoticus*, (3), стр. 136-146.
- Срничек, Н. (2019). *Капитализм платформ*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

SPARE TIME AS A NEW FORM OF LABOR: DIGITAL PROFESSIONS AND CAPITALISM

Nikolai Borisovich Afanasov (a)

(a) Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, 12 Goncharnaya str., 1, Moscow, Russia,
109240. E-mail: n.afanasov@gmail.com

Abstract

The article offers a critical approach to the current discussion on the increasing of spare time and the reducing of the amount of labor in the digital economy. A common place in the discussion about the development of modern capitalism, characterized mainly by automatisisation and robotization of jobs, was the hypothesis of reducing the employment of workers. Based on this assumption, many social theorists have postulated the problem of "spare time", which in the future will be too extent. This will lead to a number of problems, including unemployment and the sense of uselessness of a person. The author calls into question this forecast, referring to the consideration of relevant phenomena for the modern social theory - "digital labor" and "digital professions". The article also offers a new view on the relationship between the post-industrial digital economy and the world of medi. Based on the Marxist analysis of the cultural logic of late capitalism, the article puts forward the thesis that the untapped media world, which culturally mediates capitalism, removes the contradiction between production and consumption. Cultural production is fundamentally not reducable to full automation, since it's very structure includes consumption. As a result, free time imperceptibly also becomes productive work for a person.

Keywords

Theory of media, digital capitalism, digital professions, digital labor, late capitalism, Marxism, social philosophy, philosophy of culture, images of modernity, spare time

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

References

- Agamben, G. (2008). *Coming Community*. Moscow: Tri kvadrata.
- Agamben, G. (2019). Inactivity of the Economy and the Economy of Inactivity. An Interview. *Logos*, (1), 133-146.
- Allen, R. (2017). *The Industrial Revolution: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Anashvili, V., Vakhstayn, V., Medvedev, S. (2019). In Preise of Leisure. *Radio Svoboda*. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/29821384.html>
- Arora, P. (2019). Re-imagining Digital Leisure Networks Through Global Cities: A Metaphorical Journey. *Logos*, (1), 85-129.
- Bittman, M., Brown, J. and Wajcman, J. (2009). The Mobile Phone, Perpetual Contact and Time Pressure. *Work, Employment & Society*, (4), 673-691.
- Cardon, D., Casilli, A. (2015). *Qu'est-ce que le Digital Labor?* Bry-sur-Marne: INA Éditions.
- Colin, N., Palier, B. (2015). The Next Safety Net: Social Policy for a Digital Age. *Foreign Affairs*, (4), 29-33.
- Corsani, A. (2015). Transformation of Labor and its Temporalities: Chronological Disorientation and the Colonization of Non-working Time. *Logos*, (3), 51-71.
- Fuchs, C. (2015). Towards Marxian Internet Studies. In *Marx in the Age of Digital Capitalism*. Leiden-Boston: Brill, 22-67.
- Fuchs, C., Mosco, V. (eds.) (2015). *Marx in the Age of Digital Capitalism*. Leiden-Boston: Brill.
- Fuchs, C., Sevignani, S. (2013). What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? *tripleC*, (2), 237-293.
- Gandini, A. (2015). Assessing the Job Quality of "Digital Professions": A Case of Extreme Work. *Studi di Sociologia*, (4), 335-352.
- Gileva, A. (2011). Medium and his message. *Fakel*. Retrieved from <http://www.fakel.org/page.php?id=37>.
- Groys, B. (2018). "I See Quentin Meillassoux as Exactly Like Stalin". An Interview with Boris Groys. *Logos*, (4), 27-54.
- Hofmeester, K., Moll-Murata, C. (2011). The Joy and Pain of Work: Global Attitudes and Valuations, 1500-1650. *International Review of Social History*, (19), 1-23.
- Huws, U. (2014). *Labor in the Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age*. New York: Monthly Review Press.
- Jameson, F. (2019). *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow: Gaidar Institute Press.

- Koval, T. (1994). Orthodox Labor Ethics. *Mir Rossii*, (2), 54-96.
- Maiatsky, M. (2015). Liberation from Work, Unconditional Income and Foolish Will. *Logos*, (3), pp. 72-87.
- Maiatsky, M. (2015). Otium for Noone? *Logos*, (3), 46-50.
- Mandel, E. (1998). *Late Capitalism*. London: Verso Books.
- McLuhan, M. (2018). *Understanding Media. The Extensions of Man*. Moscow: Kuchkovo pole.
- Pavlov, A.V. (2018). Images of Modernity in the Twenty-First Century: Digimodernism. A Review of Alan Kirby's Book. *Philosophy. Journal of Higher School of Economics*, (2), 197-212.
- Pavlov, A.V. (2018). Images of Modernity in the Twenty-First Century: Automodernism. *Filosofskie nauki*, (10), 97-113.
- Pogrebnyak, A. (2019). Defetishizing Free Time: From Akrasia to Profanation. *Logos*, (1), 159-188.
- Robert, K. (2010). *Understanding New Media: Extending Marshall McLuhan*. New York: Peter Lang Publishing.
- Sedgwick, J., Pokorny, M. (1999). Movie Stars and the Distribution of Finally Successful Films in the Motion Picture Industry. *Journal of Cultural Economics*, (4), 319-323.
- Sidorina, T.Y. (2018). *Life without Labor or Labor for Salvation?* Saint-Petersburg: Aleteia.
- Sidorina, T.Y., Ishchenko, N.I. (2015). Labour Centrism as a Lifestyle: Limits of the Labour's Possibilities of People. *Terra Economicus*, (3), 136-146.
- Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Moscow: HSE Publishing House.
- Suárez-Vázquez, A. (2011). Critic Power or Star Power? The Influence of Hallmarks of Quality Motion Pictures: An Experimental Approach. *Journal of Cultural Economics*, (2), 119-135.
- Vakhshtayn, V., Maiatsky, M. (2019). Contingent Labor – Forced Leisure. A discussion. *Logos*, (1), 1-26.
- Veblen, T. (1984). *The Theory of Leisure Class*. Moscow: Progress.
- Weber, M. (2002). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: East-View.
- Winseck, D. (2017). The Geopolitical Economy of the Global Internet Infrastructure. *Journal of Information Policy*, (7), 228-267.
- Žižek, S. (2014). *The Perverts' Guide to Cinema: Cinema, Philosophy, Ideology*. Ekaterinburg: Gonzo.